

Сергей Понамарев

КНР: НОВАЯ ВЕЛИКАЯ МОРСКАЯ ДЕРЖАВА?¹

В настоящее время мало у кого может вызывать сомнения неоспоримый рост геополитического влияния Китая. КНР уже заняла нишу регионального лидера и имеет огромный потенциал, чтобы в будущем стать важнейшим полюсом в мировой политике. Все эти процессы закономерно актуализируют изучение современной внешней политики Китая, в особенности определение основных императивов дипломатического курса при решении первоочередных задач, стоящих перед сегодняшним руководством КНР. В этой связи особенно значимым становится объективный анализ официальной военно-стратегической доктрины Китая, которая представляет собой один из наиболее информативных и одновременно открытых источников по проблематике внешней политики КНР.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) представляет собой один из самых насыщенных конфликтными зонами регионов мира. Среди них особо необходимо выделить: Корейский полуостров (с одной стороны – проблема ракетно-ядерной программы КНДР, с другой – тенденции к унификации полуострова в среднесрочной перспективе), Тайваньский пролив, острова Сенкаку и Спратли. Развитие ситуации вокруг данных конфликтных зон напрямую связано с военно-политической обстановкой в регионе в целом, сохранением или, напротив, расшатыванием геостратегической стабильности на уровне АТР. Во всех этих конфликтных зонах развивающийся и усиливающийся день ото дня Китай имеет свои национальные интересы, которые намерен защищать и реализовывать, а это в свою очередь сопряжено с парадигмой проводимой военной политики, уровнем военного потенциала и присутствия в данном районе. Все эти причины привлекают все большее внимание к принципам оборонного строительства Китая, идеям, заложенным в его национальной военно-стратегической доктрине.

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА КНР: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ПРОТИВНИКИ

Прежде чем приступать к анализу наших источников, необходимо оговориться, что в понятие «доктрина» мы закладываем несколько более широкий смысл, нежели это обычно принято. Под «военно-стратегической доктриной» нами понимается не одно конкретное периодически издающееся документальное резюме, а комплекс официальных документов, касающихся реализации национальных геополитических интересов субъектов мировой политики в контексте обеспечения региональной и глобальной военной безопасности. Любая доктрина есть интеллектуальный продукт, совокупность взаимосвязанных идей в области управления реальными и прогнозируемыми тенденциями для защиты постоянных интересов государства и общества. По сути, структуру военно-стратегической доктрины в ее широком понимании мы можем представить в следующем качестве:

- Фундаментальные долгосрочные и постоянные интересы государства;
- Конкретные целевые установки, разрабатываемые и достигаемые для обеспечения фундаментальных интересов;
- Миссия государства на данном историческом этапе, способы и методы реализации задач национальной безопасности.

В комплекс официальных программных документов, которые составляют военно-стратегическую доктрину КНР, входят: «Белая книга по обороне Китая», «Белая книга КНР по контролю над вооружениями и разоружению»², «Государственный закон против разделения Родины»³. Необходимо отметить тот факт, что последние редакции всех этих регулярно переиздаваемых Госсоветом КНР документов были опубликованы в период 2004–2005 гг. Отдельным источником несколько ретроспективного характера стоит назвать «Белую книгу КНР: Тайваньский вопрос и объединение Китая»⁴, изданную в 1993 г.

Естественно, что касается программных документов КНР, то в них в меньшей степени, нежели чем, например, в аналогичных документах США заметна тенденция к эволюции идеологических взглядов. Но постепенная смена генерации руководства Китая, которая началась в 2003 г. и продолжается до сих пор, неизбежно наложила свой отпечаток и на внешнеполитический курс современного Китая, а также на определение поля если не фундаментальных национальных интересов, то, как минимум, первостепенных задач⁵. А вместе с ними – методов их решения, в том числе и в аспекте военной стратегии и оборонного строительства.

Серия новых публикаций программных документов в 2004–2005 гг. позволяет нам утверждать о том, что председатель Ху Цзиньтао готов активно проводить реформы в области ВПК и в самой структуре Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Вопреки опасениям, которые в 2002 г. высказывали некоторые российские исследователи, Ху Цзиньтао не ориентирован в своей политике исключительно на продолжение экономических реформ с поддержкой Запада, следствием чего могло бы стать и изменение позиции Пекина в отношении расстановки сил в АТР и Северо-Восточной Азии (СВА)⁶. Напротив, сегодня мы уже с полной уверенностью можем говорить о том, что *четвертая генерация* китайских руководителей в полной мере переняла императивы политическо-мировоззрения Цзян Цзэминя и его поколения, однако готова по-новому и более активно реагировать на острые геополитические вызовы современной эпохи⁷. В результате Китай сохранил неизменной свою позицию по ключевым вопросам международных отношений и, в том числе, по вопросам военной безопасности, но *команда Ху* адекватно признала необходимость внутригосударственных реформ и преобразований во многих сферах и отраслях⁸.

Идеологический компонент, как и прежде – в период *третьей генерации* китайских руководителей, ориентирует военно-стратегическую доктрину Китая на противодействие однополярному мироустройству. Во введении каждой «Белой книги» по национальной обороне КНР с 1998 г. отмечается, что после окончания холодной войны «мир зигзагообразно объективно стремится к многополярности», но встречает противодействие «ряда развитых стран», которые стремятся расширить разрыв между собой и «развивающимися государствами»⁹. В связи с этим Китай намерен противодействовать «любым настроениям гегемонизма и политики с позиции силы», отстаивать свои взгляды по всем важнейшим вопросам международных отношений¹⁰. С другой стороны, китайские программные документы отмечают, что в XXI веке «перед человечеством открылись новые возможности, но одновременно ему противостоят новые вызовы»¹¹. Эти вызовы, по мнению КНР, угрожают и без того шаткой стабильности в ряде регионов мира, в связи с чем необходимо укрепление сотрудничества между государствами, в особенности между развивающимися странами. Поэтому в официальных заявлениях Китай выражает готовность принять на себя всю ответственность по защите мира и стабильности движущегося к многополярности мира от геополитических рисков, вызовов и угроз XXI века¹².

Основными вызовами и угрозами Китаю в регионе и в мире «Белая книга по национальной обороне КНР» называет:

- *Международный терроризм.* «В последние годы терроризм заметно возрос, поставив под угрозу международный мир и развитие. События 11 сентября 2001 г. нанесли огромный финансовый ущерб, лишили жизни многих, обратив на себя всеобщее внимание международного сообщества. Китай также является жертвой терроризма»¹³. В то же время – и это одно из коренных отличий в восприятии вызова международного терроризма в доктринах КНР и США, которое нам необходимо особо отметить – китайские документы вносят ряд оговорок, которые призывают учитывать при борьбе с терроризмом. Правительство Китая подчеркивает необходимость усиления диалога и консультаций международного сообщества, развития сотрудничества, совместных усилий в борьбе с террористическими движениями, чтобы уничтожить источник возникновения угрозы. Но «...при нанесении ударов по терроризму необходимо иметь убедительные доказательства и ясные цели, отвечать миссии и принципам Устава ООН и общепринятым международно-правовым нормам, в полной мере выявлять ведущую роль ООН и ее Совета Безопасности. Все предпринимаемые контрмеры должны благоприятствовать долговременной защите мира в регионе и во всем мире. Нельзя смешивать терроризм с той или иной национальностью или религией. Нельзя придерживаться двойных стандартов при нанесении ударов по терроризму. Когда бы, где бы, против кого бы и в какой бы форме ни произошли террористические акты, международное сообщество должно совместными усилиями решительно осуждать и наносить удары по ним. В борьбе с терроризмом необходимо применять паллиативные и радикальные методы, а также комплексные меры. При этом очень важными становятся вопросы развития, сокращение разрыва между Югом и Севером, решение региональных конфликтов»¹⁴.
- *Распространение оружия массового уничтожения (ОМУ).* В определении политических методов противодействия этому вызову военной безопасности Китай также несколько расходится с США. КНР в изданной в конце 2005 г. «Белой книге» по контролю над вооружениями и разоружению подтверждает особую опасность, которую может представлять для мирового сообщества распространение ОМУ, однако предостерегает от необдуманных агрессивных действий. В документе подчеркивается: «...каждая страна имеет право поддерживать свою обороноспособность, на всех этапах осуществления контроля над вооружениями и разоружения необходимо добиваться того, чтобы безопасность всех стран не ущемлялась. Все страны, будь то большие или малые, имеют право принимать участие в обсуждении и разрешении проблем контроля над вооружениями и разоружения на равноправных началах. В осуществлении международного контроля над вооружениями и разоружением нельзя ущемлять независимость и суверенитет любых стран, нельзя применять силу или угрожать ее применением, нельзя вмешиваться во внутренние дела других стран»¹⁵. Этот пассаж может восприниматься исключительно как не слишком завуалированная антиамериканская риторика. Китай выступал и выступает резко против агрессивной политики США в отношении таких стран, как Северная Корея и Иран, которые, по мнению Белого дома, представляют основную угрозу существующему режиму нераспространения. Тем более Пекин осуждал операцию США в Ираке, оправданием которой служила борьба с распространением ОМУ, что в итоге не подтвердилось. Тем самым Китай указывает на то, что мифическое иракское ОМУ стало лишь поводом для распространения военного присутствия США в регионе.
- *Сепаратизм.* Этот вызов отдельно выделяется Китаем, что обусловлено его национальной задачей *воссоединения родины*. Фиксация этого вызова в официальных документах в первую очередь должна оправдывать активизацию деятельности правительства Китая по возвращению Тайваня в состав КНР¹⁶.

Остальные проблемы международной безопасности китайской доктриной понимаются в их классическом видении, среди них: транснациональная и трансрегиональная организованная преступность, наркотрафик, вызовы окружающей среды, демографическая и миграционная безопасность.

Именно в такой трактовке геополитического фона вызовов и угроз руководство Китая выстраивает систему координат геостратегических целей и задач при обеспечении национальной обороны. Такими задачами оборонная доктрина КНР называет:

- *Завершение объединения родины.* Еще в докладе генерального секретаря ЦК КПК XVI съезду партии в ноябре 2002 г. эта проблема была определена как «великая историческая задача»¹⁷. На практике, как уже указывалось нами выше, эта задача предполагает присоединение к КНР Тайваня на выдвигаемых Пекином условиях и установление контроля над спорными островными территориями в Южно-Китайском море и Восточно-Китайском море: Парасельские острова, архипелаг Спратли, острова Сенкаку (Дяюйдао)¹⁸. В первую очередь это обуславливается прогнозом наличия больших запасов неразработанных энергетических ресурсов в этих регионах.
- *Предотвращение вооруженной подрывной деятельности и защита общественной стабильности*¹⁹. Эта задача подразумевает борьбу с «Исламским движением восточного Туркестана», которое рассматривается как террористическая, экстремистская и сепаратистская организация. Причем военная доктрина Китая ни в коей мере не исключает возможности применения вооруженных сил для полного и абсолютного решения этой задачи²⁰.
- *Защита своих интересов в прибрежных акваториях.* Эта задача объективно обусловлена возрастающими объемами морской торговли в регионе, кроме того, необходимостью доставки энергоресурсов на материк. Транспортные перевозки и инфраструктура в акватории Южно-Китайского моря представляют особую важность для экономики Китая (они уже сейчас составляют до 27% от всего грузооборота страны, а торгово-танкерный флот занимает восьмое место в мире по грузоподъемности, причем цифры эти в силу указанных факторов неизменно растут)²¹. Вместе с тем в регионе неизбежно растет и пиратство, борьба с которым только лишь силами правопорядка и береговой охраны становится невозможной.

Из вышеизложенного видно, что две из трех групп первостепенных задач обеспечения национальной безопасности КНР в программных документах напрямую связываются с проецированием военного присутствия за пределы материка, в первую очередь в Южно-Китайское море, Восточно-Китайское море, Тайваньский пролив, Японское море.

В последние годы Китай все более явно демонстрирует свое стремление расширить геополитическое влияние как в США и АТР, так и в мире в целом. Как справедливо замечено авторитетнейшими российскими исследователями проблематики А.В. Болятко и А.Ф. Клименко, в китайском военном и политическом лексиконе появились термины *стратегические границы* и *жизненное пространство*²². Это *жизненное пространство* является исторически необходимым условием экономического, научно-технического, социального развития и обеспечения безопасности страны. *Жизненное пространство*, как оно понимается в Китае, по сути, представляет собой сферы собственного геополитического влияния²³. *Стратегические границы* в отличие от границ государственных понимаются как пределы, в которых государство на данном этапе с помощью военной силы реально может защитить свои интересы. *Жизненное пространство* охватывает все сферы деятельности государства на суше, на море, под водой, в воздухе и в космосе, а его размеры определяются возможностями страны в экономической, научно-технической, социальной и военной областях. *Стратегические границы жизненных пространств* сильных держав *a priori* выходят далеко за рамки их государственных границ, в свою очередь *жизненные пространства* слабых стран порой имеют *стратегические границы*, не соответствующие их возможностям, что в итоге может привести к утрате контроля над территориями и ущемлению их национальных интересов. Особенностью развития современного мира, по мнению китайских военных теоретиков, является стремление большинства стран к установлению для своих *жизненных пространств* новых *стратегических границ*, адекватных их реальной мощи.

Поэтому сегодня Китай в рамках СВА и АТР объективно может и должен расширять *стратегические границы* собственного *жизненного пространства*²⁴, что опять же невозможно без проецирования своего военного присутствия на все районы АТР.

В соответствии с поставленными задачами военно-стратегическая доктрина КНР определяет геополитические силы, которые противодействуют реализации национальных интересов в полной мере, а также потенциальных противников Китая на международной арене²⁵.

Официальные документы определенно указывают на два рода таких сил, противодействующих развитию Китая. Во-первых, это силы международного терроризма, которые для Китая выражаются прежде всего в «Исламском движении Восточного Туркестана». Во-вторых, это государства, проводящие «политику силы и гегемонизма», что, безусловно, указывает на США и государства региона, поддерживающие американскую политическую парадигму на внешнеполитической арене, то есть в первую очередь – на Японию. Что опять же может быть увязано с постоянно декларируемым курсом Китая на конструирование многополярного мироустройства.

Однако необходимо отметить, что напрямую ни в одном документе подробных указаний на какие-либо конкретные страны нет и быть не может. Последняя открытая отсылка к США как идеологическому и историческому противнику была в «Белой книге» по национальной обороне КНР за 2000 г.²⁶. С 2002 г. Пекин декларирует отсутствие какой-либо угрозы для третьих стран со своей стороны, проводя политику «улучшения собственного имиджа», призывая развитые и особенно развивающиеся государства к диалогу и «взаимовыгодному сотрудничеству»²⁷: «оборонное строительство Китая не представляет никакой угрозы ни для какого государства»²⁸. В широко публикуемых статьях китайских исследователей – государственных служащих – особо подчеркивается этот аспект отсутствия определенного противника, а теория *китайской военной угрозы* называется лишь *опасным мифом*: «распространение концепции *китайской военной угрозы* не только не соответствует принципам дружественных отношений [...], но и создает серьезное препятствие дальнейшему развитию сотрудничества между государствами»²⁹.

СТРУКТУРА, СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА НОАК НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

С момента образования КНР и до начала XXI в. оборонная доктрина Китая была ориентирована на ведение сухопутной войны. Могли изменяться стратегические и тактические методы ведения боевых действий, однако общая парадигма на проведение *народной войны* оставалась неизменной. Она базировалась на *трех китах*: революционном духе вооруженных сил Китая, готовности к бесконечной партизанской войне на своей территории (что было вынесено из опыта гражданских войн и войны с Японией в первой половине XX в.), а также философской опоре на принципы ведения боевых действий согласно традиционной китайской военной мысли, изложенной в трактатах Сунь-цзы и У-цзы. Данная концепция со времен формулирования ее *Председателем Мао* носила исключительно идеологическую окраску, то есть национальному и революционному духу войск отводилось намного более значимая роль, нежели профессионализму или технической оснащенности. Вследствие этого стратегия ведения боевых действий в соответствии с доктриной *народной войны* подразумевала создание численного превосходства НОАК (частей постоянной боевой готовности и резерва) над вооруженными силами противника на театре военных действий (ТВД), а вооружение НОАК должно было «соответствовать поставленным задачам», следовательно, основной упор делался на обеспечение стрелковым оружием, танками, артиллерией, ПВО; в то время как ВВС и ВМФ официально считались лишь вспомогательными видами войск, хотя по своим тактическим функциям их логичнее было бы даже определять как рода. Например, в 1987 г. для ВМС Китая была принята тактика «активной обороны и береговых операций» (*цзицзи фаньюй цзиньхай цзочжань*), которая подразумевала исключительно контроль над побережьем и предупреждение о десантах противника силами малых кораблей и опорных пунктов³⁰.

Нагляднейшими примерами реализации доктрины *народной войны* на практике являются все вооруженные конфликты, в которых так или иначе участвовала НОАК за всю свою историю: корейская война 1950-х гг., вьетнамский конфликт, конфликт на о. Даманском в 1969 г. Однако подобный перекося в военно-стратегическом планировании привел в итоге к тому, что главный потенциальный соперник КНР в регионе – США – теоретически может полностью блокировать действия НОАК и практически абсолютно контролировать региональную систему безопасности сетью небольших военно-морских баз при поддержке подводного флота и военно-морской авиации. Поэтому вплоть до последнего времени моделирование конфликтов в регионе с участием КНР и США неизменно приводило к поражению Китая. Причем такие оценки характерны как для российских, так и для западных экспертов – таких, как А.В. Ломанов, А. Иванов, Н. Резяпов, Э. Скобелл, И. Иланд, Л. Ворцел³¹.

Американская концепция проведения операций в регионе остается неизменной вот уже более 15 лет, она известна под названием *война с моря против суши*. Основой ее является тесное взаимодействие на региональном театре военных действий военно-морских сил и военно-воздушных сил США. Именно этим видам войск отводится основная роль на подготовительном и основном этапах проведения боевых операций. В основу данной концепции положено две идеи: «Вперед... со стороны моря» (*Forward... From the Sea*) – для ВМС и «Глобальный контроль – Глобальная досягаемость – Глобальная мощь» (*Global Vigilance – Global Reach – Global Power*) – для ВВС³². Впервые данная концепция была реализована в ходе войны в Персидском заливе (1991 г.). На практике концепция означает полную изоляцию зоны конфликта силами ВВС и ВМС, нарушение управления вооруженных сил противника, завоевание господства в воздухе и на море, уничтожение большей части авиации противника, аэродромов и системы ПВО силами ВВС с применением высокоточного оружия. На следующем этапе огневой мощью ВМС и ВВС уничтожается инфраструктура ВС противника и наиболее важные стратегические объекты и тем самым обеспечивается возможность для перехода к финальной сухопутной части операции³³. Таким образом, особую роль в данной концепции регионального военного присутствия играют силы авианосных групп. Авианосцы, благодаря присущей им высокой ударной мощи, маневренности и боевой устойчивости, рассматриваются командованием США как основа оперативных соединений и групп флота ВС США³⁴.

Таблица 1. Боевые корабли ВМС стран СВА и США в 2006 г.

Тип / Страна	КНР	КНДР	РК	Япония	Тайвань	США (в АТР)
Авианосцы	–	–	–	–	–	7
Амфибии	69	10	12	4	18	15
Миноносцы	30	23	15	31	12	2
Ракетные патрульные катера	96	22	5	9	59	–
Другие патрульные катера	235	279	75	–	–	21
Корветы	–	6	28	–	–	13
Фрегаты	42	3	9	9	21	15
Крейсеры	–	–	–	–	–	13
Субмарины	69	26	20	16	4	37
АПЛ	6	–	–	–	–	24
ПЛАРБ	1	–	–	–	–	8

Источник: Cordesman & Kleiber: The Asian Conventional Military Balance 2006. CSIS. 2006, June.

В АТР «комплексная ударная мощь» ВС США обеспечивается в первую очередь 7-м оперативным флотом ВМС США, который по своему суммарному потенциалу в условиях прямого взаимодействия с противником превосходит большинство флотов стран региона. По сути, именно этот флот является стержнем военного присутствия США в АТР и субрегионе СВА³⁵. Общая численность личного состава 7-го флота ВМС США составляет около 20 тыс. военнослужащих. Флагманской группой 7-го флота является авианосная группа во главе с авианосцем *Китти Хоук*, базирующаяся в Йокосуке в 3 200 милях от Сингапура³⁶. Кроме того, в 7-й флот входят сменяющиеся на ротационной основе соединения шести эсминцев типа *Эрли Берк*, оснащенные многофункциональной системой *Иджис*. Кроме того, проводится развертывание на рубеже крейсеров УРО типа *Тикондерога* с ЗУР *Стандарт SM-3 Block I*. Все они приписаны к военно-морской базе (ВМБ) Йокосука и ВМБ Перл-Харбор³⁷.

Таким образом, противодействовать американской стратегии «войны с моря против суши» в АТР сможет только государство, которое в состоянии противопоставить силы собственного ВМФ флоту США в регионе, не допуская его в собственную акваторию, а также не давая возможности развернуть активные действия ВВС ВМС США. Следовательно, симметричное противодействие возможно исключительно при условии наличия адекватной численности, техники и профессиональной подготовки ВМС, ВВС, ПВО и ПРО.

В целом мы можем констатировать, что в XXI веке Китай вступил с достаточно развитой системой вооруженных сил и органов военного управления, которые продолжают активно модернизироваться. ВС Китая состоят из НОАК, народной вооруженной милиции и народного ополчения. Основным боевым компонентом вооруженных сил, предназначенным для выполнения внешних функций, является НОАК, имеющая четырехвидовую организационную структуру: сухопутные войска (СВ), ВМС, ВВС и стратегические ракетные войска (*второй артиллерийский корпус*). Численность НОАК – 2,47 млн человек, организационный резерв – 500–600 тыс. человек³⁸. Центральный военный совет (ЦВС) КНР осуществляет руководство видами вооруженных сил и военными округами через Генеральный штаб и Главные управления НОАК: политическое, тыла и вооружений. Постоянное руководство оборонным строительством осуществляется министерством обороны, действующим в структуре Госсовета КНР³⁹.

Карта 1. Военные округа КНР

Командования военными округами НОАК играют роль командований на ТВД и имеют в своем подчинении некоторое количество общевойсковых армий, соединения и части различных видов вооруженных сил, части тылового обеспечения, а также командования провинциального уровня (или командования отдельных гарнизонов). Их основные функции включают организацию и координацию совместных операций СВ, ВМС и ВВС (но не *второго артиллерийского корпуса*, который имеет единое централизованное руководство) в пределах военного округа. Всего в КНР семь военных округов: Шэньяньский, Пекинский, Ланьчжоуский, Цзинаньский, Нанкинский, Гуанчжоуский и Чэндуский.

В целом состояние НОАК в начале XXI века можно охарактеризовать как «пока не соответствующее задачам геополитического центра силы». Во-первых, технический парк вооружений все еще по большей части представлен образцами 1960–1980 гг.

Во-вторых, с момента создания НОАК особенностью всей структуры армии Китая была высокая централизация управления. Формально управление ВС КНР осуществляется по двум линиям – партийной (через Военный совет ЦК КПК) и военно-административной (через ЦВС КНР). Однако на руководящих постах в обоих органах, как правило, находятся одни и те же лица, которые и реализуют политический курс в отношении оборонного строительства Китая. В частности, председатель ЦВС КНР одновременно является председателем Военного совета ЦК КПК⁴⁰.

В-третьих, в связи с тем, что НОАК всегда была одним из основных звеньев внутривнутриполитической партийной системы, чрезмерное значение уделялось идеологической *подкованности* военнослужащих, верности курсу КПК, зачастую в ущерб профессионализации кадров и направленности на выполнение внешних функций. По сути, события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь продемонстрировали всему миру, что КПК намерена твердо рассчитывать на НОАК как на аппарат принуждения. Но в итоге, в 2001 г. ЦВС КНР признал серьезную отсталость в профессиональной подготовке личного состава НОАК и указал на существование десяти «больших скрытых угроз для вооруженных сил», свидетельствующих об «упадке боевого и революционного духа» армии⁴¹.

Осознание изложенных проблем и несоответствий в развитии НОАК руководством КНР привело к серьезным реформам и модернизации в оборонном строительстве и военно-стратегическом планировании. Начало им было положено Цзян Цзэмином в ноябре 2002 г. на XVI съезде КПК. Этот курс развития ВС КНР включает три этапа:

- *Начальный этап.* Создание основ преобразований (до 2010 г.)
- *Промежуточный этап.* Вооруженные силы КНР должны стать сильнейшими в Азии (2010–2020 гг.)
- *Завершающий этап.* Предполагается завершить модернизацию и достичь передового уровня вооружений развитых стран (2020–2049 гг.)⁴².

Заявленный курс требует серьезных изменений в финансировании НОАК и ВПК в виде резкого увеличения расходов. Тем не менее, официально публикуемые Пекином данные не говорят о сколько-нибудь заметных изменениях в этой области⁴³. Большинство аналитиков сходятся во мнении, что официальные военные расходы (расходы государственного бюджета по статье «Национальная оборона») не являются единственным источником финансирования и реальные военные расходы существенно превосходят официальные. В частности, Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (СИПРИ)⁴⁴ доказал, что официальные военные расходы КНР предназначены главным образом для финансирования НОАК, в то время как финансирование фундаментальных оборонных исследований, перевооружение и развитие ВПК осуществляется из других бюджетных источников – Фонда научных исследований и разработок и Фонда развития новых видов продукции. Согласно оценке СИПРИ, реальные военные расходы Китая в среднем более чем в двое превышают официальные⁴⁵. Тех же оценок придерживаются и американские исследовательские центры, такие, как, например, Центр стратегических международных исследований (CSIS)⁴⁶.

Таблица 2. **Официальные расходы КНР на оборону и реальные расходы по оценке CSIS** (в млрд долл.).

Год / Показатель	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Официальные расходы	13,1	14,6	17,4	20,5	22,3	25,3
Оценка CSIS	48,3	49,2	49,6	57,4	61,2	66,7

Источник: Cordesman & Kleiber. Chinese Military Modernization. CSIS. 2006, August.

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ОБОРОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КИТАЯ

Мне представляется возможным выделить четыре основных компонента перестройки системы оборонного строительства и военного планирования НОАК. Все они призваны нивелировать военное превосходство США над Китаем в регионе, создать условия адекватного противодействия абсолютно любому противнику в условиях современного военного конфликта – как локального, так и глобального характера. В основе всех преобразований лежит постепенный отход от концепции *народной войны*, повышение профессионализма личного состава, руководящих кадров и командного состава НОАК всех уровней, улучшение техники и вооружений и тылового обеспечения.

Во-первых, реформа оборонного строительства Китая предусматривает **создание мобильных сил**, численность которых в отличие от численности НОАК в целом не только не сокращается, но и постоянно наращивается. Мобильные силы китайской армии состоят из двух компонентов – сил быстрого реагирования и сил быстрого развертывания.

Силы быстрого реагирования – это ударные силы, обладающие наиболее высокой боеспособностью и маневренностью. Они оснащены легким вооружением и перебрасываются в район боевого предназначения по воздуху и морем. Они должны быть в состоянии десантироваться с воздуха в любой точке Китая в течение десяти часов после получения приказа. В состав сил быстрого реагирования входят воздушно-десантный корпус, около шести пехотных дивизий, батальоны специального назначения окружного подчинения, морская пехота ВМС. Их численность составляет более 285 тыс. человек, что превышает общую численность ВС Тайваня⁴⁷.

Силы быстрого развертывания исполняют роль второго эшелона мобильных сил и предназначены для наращивания ударной мощи сил быстрого реагирования. Они имеют тяжелое вооружение и перебрасываются в назначенный район, в основном по железной дороге, в течение двух–семи суток. В их состав в настоящее время включены две армии (из Пекинского и Шэньянского военных округов)⁴⁸.

Вторым компонентом модернизации НОАК и ВПК Китая является **развитие современных систем управления войсками и разведки**⁴⁹, то есть методов ведения *информационной войны*. Обобщающей работой по данной теме является монография аналитика Института стратегических исследований военного колледжа армии США Тоши Ёшихара: «Китайская информационная война: призрак угрозы или ее возникновение?». Эта работа остается актуальной, несмотря на то, что была издана еще в 2001 г. Опираясь на китайские исследования в этой области, автор приходит к выводу, что в современной войне КНР будет стремиться «...к уничтожению способности получения, передачи, обработки и использования информации при защите своих собственных систем с целью достижения информационного превосходства. Например, системы командования и управления должны координировать точные удары и электронную войну посредством определения точного местоположения, слежения, нападения и оценки степени ущерба, нанесенного объектам противника»⁵⁰. В этой связи отмечается, что военная электроника является одной из основ национальной обороны и ей необходимо обеспечить приоритетные условия развития. В результате ЦВС КНР было принято решение о переводе практически всей системы коммуникации вооруженных сил и системы управления государством

на оптико-волоконные технологии как менее подверженные вторжениям и наиболее помехозащищенные. Кроме того, особое внимание уделяется вопросам развития китайской системы обнаружения целей в воздушно-космическом пространстве и средствам предупреждения подобного нападения. В итоге уже к 2001 г. были модернизированы линии связи, управления, разведки и радиоэлектронной борьбы (РЭБ) около 85% ключевых соединений и частей НОАК и около 65% частей береговой обороны и пограничных войск⁵¹.

В-третьих, учитывая возрастающую роль авиации в современных войнах, и опять же в поисках механизмов противодействия американскому тотальному военному превосходству в регионе, командование НОАК стремится к **увеличению потенциала ВВС**. При общем сокращении парка боевой авиации на 20–25% за счет утилизации самолетов второго поколения ударные возможности военно-воздушных сил должны возрасти в 1,5–1,7 раза при поступлении на вооружение более совершенных образцов авиационной техники⁵². С этой целью ведется обновление парка путем модернизации самолетов типа *Цзянь-7 (J-7)*, *Цзянь-8 (J-8)*, принятие на вооружение *Цзянь-10 (J-10)*, *Цзянь-11 (J-11)*, широкомасштабные закупки истребителей *Су-27*, *Су-30*, крылатых ракет класса «воздух–земля», средств дальнего обнаружения воздушного и космического базирования. К 2010 г. ВВС НОАК могут иметь обновленный парк авиации численностью около трех тысяч боевых самолетов. При этом количество машин четвертого поколения и удельный вес ударной авиации составят около 30%. В целом программа строительства ВВС рассчитана на то, чтобы этот вид вооруженных сил обладал не только оборонительными, но и наступательными возможностями. Одновременно предусматривается значительное повышение эффективности и мобильности войск ПВО (комплексы *С-300*, *Бук* и *Тор*)⁵³.

Возможности военно-транспортной авиации планируется вывести на уровень, позволяющий осуществлять десантирование парашютно-десантного полка или переброску по воздуху дивизии сухопутных войск с легким вооружением. Это дает возможность проводить воздушные наступательные операции в локальной войне и высаживать оперативно-тактические десанты. В военной стратегии КНР, одна из задач которой – обеспечить при необходимости «воссоединение Тайваня с Родиной», это довольно существенный фактор и одновременно элемент стратегической концепции устрашения конкурентов, претендующих на владение морской акваторией и спорными островами.

Таблица 3. ВВС КНР. Соотношение современных типов самолетов ко всему авиационному парку

Тип / Год	2000	2005	2006
<i>J-10</i>	0	0	62
<i>Су-30 МКК</i>	0	76	73
<i>Су-27</i>	50	78	116
Общее количество самолетов	3520	1900	2643
Современные самолеты	50	154	251

Источник: Cordesman & Kleiber. Chinese Military Modernization. CSIS. 2006, August.

Но **наиболее значимым направлением переориентации военно-стратегической доктрины КНР и оборонного строительства является смещение акцентов с ведения сухопутной войны на усиление ВМС и достижение господства на морских пространствах региона**. Этот процесс обусловлен необходимостью решения геополитических задач, таких, как *воссоединение родины*, разрешение территориальных спо-

ров, охрана торговой и транспортной инфраструктуры региона, противодействие американской концепции военного присутствия («война с моря против суши»). Только при условии достижения всех поставленных целей Китай будет в состоянии проецировать свое военное присутствие на океанический уровень. Именно поэтому складывается впечатление, что вышеизложенные направления оборонного строительства КНР носят вспомогательный характер, в первую очередь поддерживая развитие военно-морских возможностей Китая.

УКРЕПЛЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

В течение нескольких лет шло определение задач, которые должен выполнять флот Китая в XXI веке, осуществлялась разработка приоритетных направлений развития. Основными задачами, определенными китайскими экспертами в рамках новой морской стратегии, которую можно условно охарактеризовать как «Доминирование в региональной акватории», являются:

- *Движение в сторону океана.* Создание 300-мильной зоны территориальных вод Китая и осуществление эффективного контроля над целостностью прав Китая на акваторию.
- *Обеспечение и усиление морского суверенитета и морских прав Китая.* Недопущение повторения ситуации XIX века, когда Китай был оттеснен с морской арены; осуществление принципа «не потерять ни сантиметра суши, не уступить ни сантиметра моря».
- *Сохранение единства страны.* Реагирование на проявления независимости Тайваня с нанесением удара по амбициям мятежной провинции. Установление полного контроля в воздушной и морской области Тайваньского пролива и обеспечение десантной операции.
- *Перенесение передней линии морской обороны за пределы экономической зоны Китая.* Постепенное углубление морской обороны в западной части Тихого океана. Создание «оборонной способности в голубом океане» (*Blue Ocean Defense Power, Ланьшуй янхай фаньюй нэнли*), способность в условиях мира и безопасности играть решающую роль в западной части Тихого Океана.
- *Превращение Китая в сильную державу западной части Тихого океана*⁵⁴.

Как видно из контекста задач, значение мощной оперативной морской группировки в структуре морских сил Китая неизмеримо возрастает. Это также обуславливает ввод в состав передовых сил боевых кораблей и построение тактики ведения боя на совершенно новых, отличных от прошлых, принципах. Основой для построения новой тактики командование ВМС Китая считает обретение авианесущего крейсера, вокруг которого будет сформирована боевая группа, сбалансированная в трех измерениях силы – воздушной, надводной и подводной. Говоря о формировании *сбалансированной* боевой группы, в качестве ее ядра китайские специалисты видят авианосец с кораблями поддержки⁵⁵.

Анализ выступлений и статей показывает, что в состав первой авианесущей группы возможно включение, помимо авианесущего корабля, вертолетоносца с 5 вертолетами системы оповещения, 10 вертолетами противокорабельной борьбы, связи, поиска и спасения. В состав группы также войдет боевая группировка из шести–восьми боевых кораблей (фрегаты класса *Цзянху (Jianghu)*, эсминцы класса *Луху (Luhu)*) и две-три ударные подводные лодки с атомными силовыми установками, а также корабль обеспечения, корабль–топливный заправщик⁵⁶. Такой состав группы в целом соответствует существующим принципам построения аналогичных групп, и китайские эксперты вряд ли смогут предложить что-то новое как по составу, так и по идеям построения порядка. Американские военные эксперты приходят к выводу, что в подобной тактике боевого по-

строения и использования судов можно проследить серьезные заимствования американской концепции «авианосных групп», которая прекрасно зарекомендовала себя во многих конфликтах XX века⁵⁷.

С твердой уверенностью могу констатировать, что процесс обретения авианесущего крейсера Китаем существует не только *на бумаге*. Кстати, ставка в данном случае была сделана именно на скорость реализации *проекта 891* (именно так он назван в источниках), а основой для него, вероятнее всего, послужили купленные КНР у России, Украины, Австралии и Англии списанные образцы – *Киев*, *Варяг*, *Мельбурн* и *Мажестик* (планируемое водоизмещение китайского авианосца около 48 000 т). Эти корабли действительно устарели, но Китай, очевидно, резко *модернизирует* боевые возможности своего авианосца серьезной *начинкой* – в виде уже купленных у России 12 палубных вертолетов *Ка-28* и 28 морских многоцелевых истребителей *Су-30 МКК*, возможных дальнейших закупок *Су-33*.

В этой связи особенно интересна история с тяжелым авианесущим крейсером *Варяг* – в первую очередь потому, что его тактико-технические характеристики предполагают оснащение именно самолетами *Су-33*. *Варяг* был куплен у Украины некой китайской фирмой якобы для переоборудования в плавучее казино за 20 млн долларов в 1998 г. Однако в итоге авианосец отбуксировали на ВМБ в порту Далянь, где и законсервировали, но что с ним происходило в дальнейшем, уже никому не известно. Сама же фирма-покупатель исчезла, проведя по сути всего одну *коммерческую операцию* за свою недолгую историю.

Вообще о дате возможного ввода в строй китайского авианосца идут жаркие споры – известно слишком мало достоверных данных, и одновременно слишком много слухов витает вокруг *проекта 891*, но нам наиболее вероятным сроком реализации кажется 2010–2012 гг.

ВМС Китая обновляются активнейшим образом и по другим, не менее важным направлениям. В период 2000–2004 гг. помимо эсминцев и подлодок китайской постройки флот КНР пополнился 10 подводными лодками, 4 эсминцами (и 24 ракетами *Москит* к ним), 2 зенитно-ракетными системами корабельного базирования *С-300Ф*, импортированными из других стран, в первую очередь из России⁵⁸. Кроме того, в начале 2007 г. в состав ВМС КНР может войти первый головной танко-десантный корабль нового типа (вся серия около 10 единиц), который сможет принимать на борт до роты танков и до батальона десантников.

Отдельно необходимо выделить серьезное усиление и модернизацию китайского атомного подводного флота. Как видно из приведенной ниже таблицы 4, при условии выполнения поставленных задач к 2010 г. КНР будет обладать сильнейшим подводным флотом среди стран региона. Флагманами китайских атомных подводных лодок (АПЛ) должны стать новые атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ), официальное планирование предполагает строительство семи таких лодок, каждая из которых способна нести до 16 баллистических ракет межконтинентальной дальности⁵⁹.

Еще одним направлением усиления ВМС КНР является продолжение курса на развитие сети военно-морских баз. На сегодняшний день известно о более чем 20 крупных ВМБ. Помимо этого со времен *стратегии береговых операций* ВМС КНР осталось огромное количество форпостов береговой охраны, рассыпанных по всему побережью Китая. Кроме того, существует мнение, что большое количество ВМБ – особенно баз подводного флота – КНР скрыты среди малых островов акватории и остаются неизвестными. Как видно из приведенной ниже карты, особенно много ВМБ расположено на южном и восточном побережье, что обусловлено опять же противоборством с Тайванем, а также стратегической необходимостью защиты морских коммуникаций и инфраструктуры таких экономических центров, как Гонконг и Шанхай. Нет сомнений, что и в будущем ВМБ останутся одним из краеугольных камней в процессе укрепления морской составляющей национальной обороноспособности Китая.

Карта 2. Крупные военно-морские базы КНР

Таким образом, при сохранении сегодняшних темпов Китай в состоянии уже в среднесрочной перспективе создать океанский флот, зона действия которого будет простираться вплоть до меридиана на острове Гуам, что поставит под сомнение возможность реализации принятых сегодня концепций ВМС США в регионе.

Первой широкомасштабной демонстрацией усиления боевых возможностей современной НОАК стали российско-китайские учения «Мирная миссия-2005», которые прошли в августе 2005 г. на территории РФ (г. Владивосток) и КНР (полуостров Шаньдун и прилегающая морская зона). Хотя официальной легендой учений была отработка действий по пресечению межэтнического конфликта, тем не менее, в сценарии легко усматривалась параллель с проведением Китаем возможной операции по силовому воссоединению Тайваня с материком. В ходе учений было отработано взаимодействие сухопутных войск, ВМС и ВВС, что уже само по себе свидетельствует об оперативно-стратегическом уровне учений. Важно отметить, что особое значение отводилось действиям ВВС (завоевание господства в воздухе, удары по целям стратегических бомбардировщиков, поддержка операции СВ силами штурмовой авиации) и ВМС (отражение атаки условного морского противника, действия подводных лодок по пускам ракет, выход к побережью противника и высадка десанта под прикрытием эскадренных миноносцев). Морская составляющая учений была представлена в первую очередь именно китайским флотом из 58 кораблей и подводных лодок. Для сравнения – в «Мирной миссии-2005» от российской стороны принимало участие лишь 5 кораблей⁶⁰.

Таблица 4. Вооружение ВМС КНР, импортированное с 2000 г.

Тип	Экспортер	Вооружение	Год	Количество
ПЛ <i>Kilo 887, Kilo 636</i>	РФ	Тактические ракеты <i>ЗМ-14</i> (до 300 км), противокорабельные ракеты <i>ЗМ-54</i> (до 220 км).	2005	2 поставлено (заказано 8), 8 поставлено.
Эсминцы класса <i>Современный</i>	РФ	Противокорабельные ракеты <i>Москит</i> (до 200 км).	2002	2, к 2006–2007 г. Будет поставлено 4.
Ракетные катера класса <i>Молния</i>	РФ	Противокорабельные ракеты <i>Москит</i> (до 200 км).	Нет данных	10–12
<i>Су-30 МКК2</i>	РФ		Заказано в 2002	24 истребителя поставлено, ожидается заказ еще 48.
<i>Ту-142</i>	РФ		Ведутся переговоры	
<i>Ка-28</i>	РФ		Нет данных	12
<i>Ка-29</i>	РФ		Ведутся переговоры	40
<i>Ка-31</i>	РФ		Ведутся переговоры	20
Самолет-амфибия <i>Ве-200</i>	РФ		Ведутся переговоры	15

Источник: Cordesman & Kleiber. Chinese Military Modernization. CSIS. 2006, August.

Таблица 5. План постройки АПЛ КНР

Класс	Проект 093 Шан	Проект 094 Цзинь	Проект 041 Юань	Проект 039 Сун
Год и количество	2 в 2004 г., 6 до 2010 г.	3 до 2010 г.	10 до 2010 г.	11 в 2005 г., 20 до 2010 г.

Источник: Cordesman & Kleiber. Chinese Military Modernization. CSIS. 2006, August.

Реакция США, Японии и Тайваня на прошедшие учения не оставила сомнений в том, что демонстрационные цели «Мирной миссии-2005» Китаем были достигнуты в полном объеме. Все три государства констатировали усиление военно-морского потенциала Китая, а вместе с тем и исходящую от этого угрозу собственным геополитическим интересам в регионе. Особенная озабоченность, что вполне объяснимо, была проявлена Тайбэем. О реакции США, наблюдатели от которых, кстати, не были приглашены на учения, можно судить по интервью командующего Тихоокеанским флотом США адмирала Гэри Рафхеда. Он высоко оценил боеспособность военно-морского флота КНР, но выразил сомнение в том, что такой мощный флот необходим только лишь для защиты морских торговых путей⁶¹.

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ КНР

Подводя итог этому краткому обзору, необходимо охарактеризовать процесс развития идей военно-стратегической доктрины Китая.

Невозможно отрицать сам факт проведения серьезных преобразований в оборонном строительстве КНР. Все более четко прослеживается *новый курс* развивающегося Китая на расширение ареала геополитического влияния путем проецирования своей военной мощи за пределы материка – на морские, а затем и океанские просторы. Казалось бы, этот процесс сам по себе может быть назван *революционным* – с точки зрения традиционного понимания методов обеспечения национальной военной безопасности в Китае, со времен флотоводца XV в. Чжэн Хэ представлявшего собой исключительно сухопутную державу, ни в коей мере не претендовавшую на звание *великой морской*. Тем не менее, что касается законодательного, *программного* оформления представленных нами процессов, то о них невозможно говорить иначе как об *эволюционных*.

Подтверждение этому мы находим в хронологии. Легко заметить, что начало *переориентации* военной стратегии Китая было положено в конце 1990-х гг. В частности, именно тогда появились первые данные о старте *проекта 891*, стремлении Китая принять на вооружение серию новых ПЛАРБ, стала активно проводиться политика модернизации технического оснащения ВВС и ВМС КНР путем закупок соответствующих вооружений. В то же время первые официальные заявления о реформе оборонного строительства прозвучали лишь на *судьбоносном* для НОАК XVI всекитайском съезде КПК 2002 г., но и на нем о самом характере будущих преобразований речь не шла. Хотя преобразования к тому времени, как видно, уже шли полным ходом. В «Белых книгах» 2002–2006 гг. употребляется термин «реформирование оборонного строительства Китая», однако и сегодня в базовых программных документах заявленный ЦВС КНР «курс на модернизацию НОАК» не расшифровывается, о его содержании можно судить лишь по таким ярким недвусмысленным демонстрационным шагам, как, например, российско-китайские учения 2005 г.

Судя по всему, китайские руководители *четвертой генерации* в управлении своим государством продолжают придерживаться традиционной для КПК схемы: формирование политического курса – начало его реализации – законодательное оформление курса при условии появления первых позитивных результатов.

Таким образом можно заключить, что в ближайшие годы следует ожидать продолжения процесса эволюционной переориентации базовых положений национальной военно-стратегической доктрины Китая, приведения их в соответствие с уже реализуемым курсом модернизации НОАК, связанным в первую очередь именно с укреплением военно-морской составляющей. 🐘

Примечания

- ¹ Автор выражает благодарность Г.М. Евстафьеву за помощь, оказанную в работе над статьей.
- ² Чжунгодэ цзюнькун, цайцзюнь юй фанкуо саньули («Белая книга» КНР по контролю над вооружениями и разоружению). Пекин, 2005, сентябрь.
- ³ Фань фэньле го фалюй («Закон против разделения Родины»). Пекин, 2005.
- ⁴ Тайвань вэньти юй Чжунго туньй. («Белая книга» КНР: Тайваньский вопрос и объединение Китая). Пекин, 1993, август.
- ⁵ Михеев В.В. Китай: новые компоненты стратегии развития. *Мировая Экономика и Международные отношения*. 2004, № 7. С. 48–56.
- ⁶ Именно такие опасения высказывались, например, Г. Арслановым. См: Арсланов Г. Смена поколений на политическом Олимпе. *Азия и Африка сегодня*. 2002, № 4. С. 2–6.

⁷ Подобный взгляд на *преемственность поколений* китайских лидеров был у некоторых авторов и в 2002 г., см. например: Мажаров И., Собянин А. В ожидании четвертой генерации. *Эксперт*. 2002, № 28 (335), 22 июля, http://www.chinadata.ru/generation_4.htm (последнее посещение – 28 марта 2007 г.).

⁸ Портяков В.Я. От Цзян Цзэмина к Ху Цзиньтао: КНР на рубеже веков. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. 247 с.

⁹ Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2004 г.). Пекин, 2004, декабрь. А также: Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2002 г.). Пекин, 2002, декабрь.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Чжунгодэ цзюнькун, цайцзюнь юй фанкуо саньули («Белая книга» КНР по контролю над вооружениями и разоружению). Пекин, 2005, сентябрь.

¹⁶ Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2004 г.). Пекин, 2004, декабрь. А также: Фань фэньле го фалюй («Закон против разделения Родины»). Пекин, 2005.

¹⁷ Цит. по: Клименко А.Ф. Эволюция военной политики и военной доктрины Китая. *Военная Мысль*. 2005, № 4. С.7.

¹⁸ Heller E.N. Power Projections of the PRC: an Investigative Analysis of Defensive and Offensive Realism in Chinese Foreign Policy. *ACDIS Swords and Ploughshares*. University of Illinois at Urbana-Campaign: 2003, November. P. 2–27.

¹⁹ Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2004 г.). Пекин, 2004, декабрь.

²⁰ Клименко А.Ф. К вопросу об эволюции военной политики и военной стратегии Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2004, № 2. С. 60–61.

²¹ Регентов Д. Китай и АСЕАН. «Проект Абирус». http://www.chinadata.ru/china_and_asean.htm (последнее посещение – 28 марта 2007).

²² Подробнее об этом см. работы указанных авторов в журналах *Проблемы Дальнего Востока*, *Военная Мысль*.

²³ Клименко А.Ф. Эволюция военной политики и военной доктрины Китая. *Военная Мысль*. 2005, № 4. С. 6–7.

²⁴ Лю Цзяньцзюнь. Чжунго сяньдай чжэнчжидэ чэнчжан. (Китай: Современный политический рост). Тяньцзинь, 2003. С. 25–35.

²⁵ Болятко А.В. Обеспечение национальной безопасности Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2003, № 4. С. 32–45.

²⁶ Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2000 г.). Пекин, 2000.

²⁷ Wang Hongying. National Image Building and Chinese Foreign Policy. *China: An International Journal*. 2003, March, № 1. P. 46–72.

²⁸ Чжунгодэ цзюнькун, цайцзюнь юй фанкуо саньули («Белая книга» КНР по контролю над вооружениями и разоружению). Пекин, 2005, сентябрь.

²⁹ Цянь Сяюнь. Опасный миф о «китайской военной угрозе». *Азия и Африка Сегодня*. 2003, № 3. С. 29–35.

³⁰ Lewis J.W., Xue Litai. China's Strategic Seapower: the Politics of Force Modernization in the Nuclear Age. Stanford, 1994.

- ³¹ См. например: Иванов А. Первая тихоокеанская. *Коммерсантъ-власть*. 2001, 15 мая.; Ломанов А.В. Полгода после Клинтона: обороноспособность Тайваня в контексте политики США. В кн.: Тайвань на рубеже веков: новые условия и новые вызовы. М.: ИСАА при МГУ, 2001. С. 221-239; Зарубежные военные эксперты о возможном характере вооруженного конфликта между КНР и Тайванем. *ЗВО*. 2004, № 11; Резяпов Н. «Флот против флота»: ВМС Пекина и Тайбея могут сыграть важную роль в гипотетическом конфликте между «двумя Китаями». *Независимое Военное Обозрение*. 2000, 27 октября; Eland I. Is Chinese Military Modernization a Threat to the United States? *Policy Analysis*. 2003, January 23, No 465. Scobel A. The Costs of Conflict: The Impact on China of a Future War. Carlisle: US Army War College, Strategic Study Institute, 2001, October. Burkitt L., Scobell A., Wortzel L. The Lessons of History: The Chinese People's Liberation Army at 75. Carlisle: US Army War College, Strategic Study Institute, 2003, July.
- ³² Роль ВВС США в реализации концепции передового присутствия. *ЗВО*. 2004, № 9.
- ³³ Заяц В. Роль ВВС США в реализации национальной военной стратегии США. *ЗВО*. 2004, № 1. С. 21–27.
- ³⁴ Рюриков Д., Алексеев П. Организация и «трансформирование» авиации ВМС США. *ЗВО*. 2004, № 8.
- ³⁵ Константинов В. ВМС США в начале XXI века. *ЗВО*. 2003, № 1, 2.
- ³⁶ Чертанов В. Применение сил флота и морской пехоты США в 2003–2004 годах. *ЗВО*. 2004, № 12. С. 50.
- ³⁷ Там же. С. 51.
- ³⁸ Каменнов П. КНР: проблемы обороны. *Проблемы Дальнего Востока*. 2003, № 6. С. 53–66.
- ³⁹ Там же. С. 53–66
- ⁴⁰ Михеева В.В. (ред.) Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
- ⁴¹ Там же. С. 141.
- ⁴² Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2002 г.). Пекин, 2002, декабрь.
- ⁴³ Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2004 г.). Пекин, 2004, декабрь.
- ⁴⁴ Ежегодник СИПРИ 2003: Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2004.
- ⁴⁵ Цит. по: Михеева В.В. (ред.) Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
- ⁴⁶ Cordesman Anthony H., Kleiber Martin.. Chinese Military Modernization. Main Report. CSIS. 2006, August. 114 p. http://www.csis.org/media/csis/pubs/060907_chinesemilitary.pdf (последнее посещение – 25 марта 2007 г.).
- ⁴⁷ Клименко А.Ф. К вопросу об эволюции военной политики и военной стратегии Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2004, № 2. С. 13.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Гриняев С. Об основных направлениях трансформации вооруженных сил Китая. «21-й век». 2005, № 1. С. 90.
- ⁵⁰ Yoshihara T. Chinese Information Warfare: A Phantom Menace or Emerging Threat? Carlisle: US Army War College, Strategic Study Institute. 2001, November. P. 153.
- ⁵¹ Ibid. P. 178.
- ⁵² Клименко А.Ф. Эволюция военной политики и военной доктрины Китая. *Военная Мысль*. 2005, № 4. С. 12.
- ⁵³ Остриков С. Воздушная мощь Поднебесной. *Проект Абирус*. <http://www.chinadata.ru/plaaf.html> (последнее посещение – 26 марта 2007 г.).

- ⁵⁴ Подробнее см.: Регентов Д. Китай: обретение авианесущего крейсера. *Проект Абирус*. http://www.chinadata.ru/air_carrier.htm (последнее посещение – 26 марта 2007 г.).
- ⁵⁵ Подробнее см: You Ji. The Debate over China's Aircraft Carrier Program. *AFAR Association for Asian Research*. 2005, 3rd February. [Http://www.asianresearch.org/articles/2529.html](http://www.asianresearch.org/articles/2529.html) (последнее посещение – 26 марта 2007 г.).
- ⁵⁶ Данный вопрос всесторонне, качественно и подробно рассмотрен в работе Д. Регентова: Регентов Д. Китай и АСЕАН. «*Проект Абирус*». http://www.chinadata.ru/china_and_asean.htm (последнее посещение – 28 марта 2007 г.).
- ⁵⁷ Wortzel L. The Chinese Armed Forces in the 21st Century. Carlisle: US Army War College, Strategic Study Institute. 1999, December. P. 353.
- ⁵⁸ Регентов Д. Китай и АСЕАН. «*Проект Абирус*». http://www.chinadata.ru/china_and_asean.htm (последнее посещение – 28 марта 2007 г.).
- ⁵⁹ Бочаров И.Ф. Парадоксы ядерного сдерживания. *Независимое Военное Обозрение*. 2005, 22 апреля.
- ⁶⁰ Георгиев А. «Мирная миссия» выполнима. *Военно-промышленный Курьер*. 2005, 24–30 августа, № 31 (98).
- ⁶¹ Зачем Китаю весь этот флот? *Lenta.ru*. 2005, 1 сентября.